

Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в пореформенный период

Аннотация:

В статье Л.В. Бурькиной рассматриваются основные потоки и масштабы крестьянской миграции на Северо-Западный Кавказ в пореформенный период. Автор анализирует факторы миграции, выясняет административно-правовые условия переселения иногородних в регион, выявляет трудности адаптации мигрантов в новых природно-климатических условиях. В статье освещается система жизнеобеспечения поселений и вклад крестьян-переселенцев в хозяйственное освоение и социально-экономическое развитие Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова:

Северо-Западный Кавказ, пореформенный период, крестьяне, казачество, адыги, факторы миграции, иногородние, «лица невойскового сословия», «посаженная плата», Черноморский округ, Черноморская губерния, Кубанская область.

Дальнейшее освоение Северо-Западного Кавказа было невозможно без его колонизации выходцами из других российских губерний. 60-е годы XIX в. ознаменовались существенными политическими событиями – судьбоносными для всех народов России, в том числе и Северо-Западного Кавказа: отменой крепостного права (1861 г.), завершением Кавказской войны (1864 г.), проведением крестьянской реформы среди горцев Кубанской области (1867 г.)¹, принятием законов, касавшихся казачьего и иногороднего населения исследуемого региона (Постановление Государственного совета «О дозволении русскими подданными невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» от 29 апреля 1868 г.², «Положение об общественном управлении казачьих станиц» от 13 мая 1870 г.³ и др.).

Как свидетельствуют современники и участники тех событий, Кубанская область «была не только завоевана, но и очищена... От прежнего довольно большого населения осталась горсть людей, которых поселили на Кубани... Теперь в горах Кубанской области можно встретить медведя, волка, но не горца...»⁴. На пространстве от Туапсе до Бзыби едва ли можно встретить обитаемые горские аулы⁵.

В эти годы усиливается массовое переселение жителей внутренних губерний России на Северо-Западный Кавказ, и, «следовательно, неуклонное падение процента автохтонов»⁶. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Расширение крестьянской колонизации края совпало с экономическим освоением Северо-Западного Кавказа.

Безземелье и малоземелье побуждали крестьян к переселению в поисках лучшей доли. «Малоземелье, безземелье... недостаток в местных заработках при полном отсутствии кустарных и других промыслов, кроме хлебопашества, стесненность в выпасе»⁷ – таковы ответы жителей Полтавской губернии при опросе о причинах

переселения крестьянства в новые районы. Те же причины, толкавшие крестьян к переселению, существовали и в Харьковской губернии. К малоземелью в юго-восточной части губернии прибавлялись ежегодные неурожаи, что обрекало тысячи крестьян на полуголодное и голодное существование и сопутствующие болезни. Следует подчеркнуть, что именно названные губернии дали наибольшее число переселенцев.

Ряд дореволюционных исследователей, анализировавших процесс крестьянских переселений 70-х – 80-х годов⁸, обращали внимание на то, что «сибирское переселение только зарождается, главное направление крестьянских переселений идет в южные и юго-восточные степи и на Кавказ»⁹. А.А. Кауфман отмечал, что «существеннейшее отличие русского переселения от миграционных явлений, наблюдаемых в других странах, заключается... в том, что избытки русского населения переселяются не в чужестранные государства и даже не в заморские колонии, а в местности, входящие в состав русской государственной территории и составляющие как бы прямое продолжение районов, выпускающих переселенцев»¹⁰. Таким образом, на новые территории смотрели не как на источник наживы, из которого предполагалось выкачивать ресурсы в метрополию, а как на неотъемлемую часть Российского государства, требовавшую такой же заботы и внимания, как и прочие его земли, а сами переселенцы не имели психологии «временщиков»¹¹. Подобная точка зрения нашла отражение и в ряде трудов историков советского и постсоветского периода, в той или иной степени занимавшихся проблемами заселения и экономического освоения окраин России и переселенческой политикой российского правительства второй половины XIX в.¹²

Анализируя причины, побуждающие людей стремиться к переселениям, говорят о факторах миграции. Под факторами миграции понимается совокупность движущих сил, воздействующих на миграционные процессы¹³. К факторам миграции В.И. Переведенцев

относит такие причины, которые, с одной стороны, являются достаточно общими и глубокими, а с другой – специфичными именно для миграции населения¹⁴. Факторы следует отличать от поводов, т.е. конкретных, ближайших причин переселения, а также мотивов, которые представляют собой субъективное осознание лежащих на «поверхности» причин и т.д.

Большинство исследователей выделяют две группы факторов, определяющих миграционные процессы: объективные и субъективные. По мнению В.И. Переведенцева, объективные факторы – это те, что находятся на стороне «мира», а субъективные – на стороне человека, индивида.

Похожее понимание феномена миграции и тех факторов, которые ее порождают, сложилось в зарубежной науке. Сторонники «структуралистского» подхода решающее значение придают объективному фактору и апеллируют к идеям экономического детерминизма: люди перемещаются туда, где лучшие условия жизни¹⁵. С точки зрения другого подхода пальма первенства отдается субъективному фактору – индивидам, которые принимают решение о миграции и тем самым становятся непосредственными «агентами» миграции¹⁶. Однако миграционное поведение, как и любое человеческое поведение, зависит от целого комплекса взаимосвязанных и взаимодействующих факторов.

В пореформенный период Северный Кавказ принадлежал к числу районов, где миграционные процессы проходили наиболее интенсивно. А Кубанскую область, где рост населения был наибольшим, есть основания назвать основным переселенческим районом России¹⁷. Сюда прибыли переселенцы из 18 губерний. Поток крестьянских переселений охватил прежде всего те регионы, где особенно сильны были крепостнические пережитки и наиболее ощущалось обострение аграрного кризиса: Черниговская, Полтавская, Харьковская, Воронежская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Тульская, Орловская, Смоленская и Псковская губернии¹⁸.

Наличие в некоторых губерниях подворного землевладения облегчало возможность переселения. Так, крестьяне Черниговской и Полтавской губерний имели право продавать свои земельные наделы. Отсутствие общины способствовало их массовому переселению¹⁹. Переселенцами становились прежде всего малоимущие крестьяне, многие из которых работали батраками в помещичьих хозяйствах и кулацких хозяйствах. Но среди них были и довольно состоятельные хозяева, арендовавшие на Юге Украины большие участки земли или содержавшие большие отары тонкорунных овец. В 60 – 70-х гг. XIX в. они перегоняли отары овец из Таврической и других новороссийских губерний в Кубанскую область. Эти переселенцы – крупнейшие скотопромышленники на Северном Кавказе – получили название «тавричане»²⁰.

По свидетельству Н.А. Якименко, вспышка переселенческих настроений среди украинского крестьянства была настолько сильной, что многие безземельные крестьяне, продав за гроши свое жалкое имущество, уходили на Кубань почти без всяких средств и без соответствующих документов²¹.

Быстрое возрастание численности иногородних после 1868 г. требовало решения вопроса о расширении и конкретном определении их прав, о наделении их землей²².

Стремясь закрепить свои позиции на Северном Кавказе в 70 – 80-х гг. XIX в. российское правительство издало ряд законоположений. По «Положению об общественном управлении казачьих станиц» от 13 мая 1870 г. иногородним позволялось с разрешения станичного общества и за особую плату арендовать станичные пастбища с промышленной целью. Кроме этого, они получали право принимать участие в станичных сходах, но лишь при обсуждении дел, их касающихся. Подтверждалась их обязанность отбывания в равной доле с казаками натуральных земельных повинностей, подводной, постоянной, по исправлению мостов, гатей и переправ²³. Тем не менее правительство не предприняло ни каких мер по обеспечению крестьян-переселенцев землей.

Существующий антагонизм между казаками и иногородними процветал не только на станичной почве. Он проявлялся и в высших общественных слоях. Даже возникла целая теория, оправдывавшая движение против наплыва иногородних стеснением казачьего населения в плане материального благополучия и влиянием пришлых на устои «казацкого духа» и нравственности. Сказывалась, естественно, корпоративная замкнутость казачества, связанного с общностью выполнения своих специфических профессиональных функций, временем и местом формирования (традиционная конфронтация и неравенство прав старожилов и новоселов, восходящие к обычному праву). Значительную часть казачества Кубани составляли ушедшие в свое время от идеологического преследования старообрядцы разных толков, в то время как более поздние по своему происхождению «иногородние» относились, по преимуществу, к «чистым» православным. И с этой стороны отношения между ними не могли быть «комплиментарными» (особенно, когда разнонаправлено проявлялся конфессиональный фактор). Священники в своих отчетах подчеркивали, что ввиду постоянной миграции численность иногородних прихожан редко оставались неизменной. Например, благочинный 13-го округа Кубанской области в 1897 г. писал: «Что же касается иногородних прихожан, то их жизнь в приходах можно назвать кочевой. Ежедневно видятся переселенческие передвижения. Вот почему местные причты, при всем своем желании привести в известность количество населения, никогда не могут достигнуть своих предприятий...»²⁴. Не имея прочной оседлости, иногородние не могли участвовать в полноценной церковной жизни. К 1871 г. почти вся земля в области (8765,5 тыс. десятин или 96 % всей территории) принадлежали казачеству²⁵. По данным Л.М. Мельникова, только с 1868 г. по 1873 г. количество иногородних в области увеличилось больше чем в 10 раз и достигло около 256 000 человек²⁶.

Ф.А. Щербина одним из первых не только обратил внимание на растущие противоречия между «коренным» и «пришлым» населением, но и на необходимость их устранения: «жизнь выдвинула целый ряд новых задач и требований», на которые следовало обратить внимание местным властям²⁷.

Все население исследуемого региона официально делилось на две основные группы: войсковое и невойсковое население. К первой группе относились все, кто непосредственно входил в Кубанское войско: казаки и офицеры, войсковые чиновники. Вторую группу составляли лица невойскового сословия: коренные жители

неказачьего сословия и иногородние. К первым прежде всего относились жители горских аулов и крестьяне, издавна поселившиеся на территории Северо-Западного Кавказа. Иногородние, в свою очередь, делились на три группы:

1) «иногородние, имеющие оседлость». К ним относили всех жителей невойскового сословия, которые приобрели в собственность усадебные постройки в казачьих станицах с правом потомственного использования находившихся под ними земель и при условии обязательной выплаты «посаженной платы»;

2) «иногородние, не имеющие оседлости», которые проживали либо постоянно на квартирах или частновладельческих землях в качестве арендаторов; либо временно (как пришлые рабочие, прибывшие на заработки); «посаженной платы» эта категория «иногородних» не вносила;

3) переселенцы, которые были устроены на казенных землях или приобрели земельные участки на правах частной собственности.

Итак, даже с формальной стороны иногородние не представляли однородной социальной массы. Этот факт отмечали местные власти, утверждая, что иногородние преимущественно принадлежали к низшим слоям общества (крестьянам, мещанам, отставным солдатам)²⁸. Большинство из них составляли крестьяне. С 1871 по 1880 гг. в Кубанскую область переселились 175 400 человек²⁹.

Следует обратить внимание на то, что относительно способа передвижения переселенцев из внутренних губерний России на Северо-Западный Кавказ каких-либо обобщающих сведений автору обнаружить в источниках не удалось. Однако имеющиеся данные по Курской губернии дают основание предположить, что крестьяне из других губерний, как и куряне; пользовались преимущественно гужевым транспортом. Так, курские статистики установили, что из всех ушедших в 70 – 80-е гг. на юг крестьян (3220 семей) отправились на лошадях 63,1 %, пешком – 10,6 %, по железной дороге – 26,3 %³⁰. Безусловно, развитие железнодорожного строительства оказывало значительное влияние на масштабы и направление крестьянской миграции, стимулировало рост переселенческого движения и способствовало экономическому освоению региона.

Создание Черноморского округа 10 марта 1866 г. было связано с трудностями освоения данного пространства после переселения адыгов в Османскую империю. Согласно «Положению о заселении Черноморского округа и управлении оным», принятому правительством и утвержденному Александром II, округ планировалось заселять лицами всех сословий и даже иностранными подданными, но христианского вероисповедания. Все пространство между реками Туапсе и Бзыбью от морского берега до вершин Главного Кавказского хребта предназначалось для сельских гражданских прибрежных поселений. Переселенцам предоставлялась масса льгот, лишь бы они селились там и обзаводились хозяйством. Согласно §35 положения 1866 г., переселенцы, «водворившиеся в местностях, представляющих удобство для общественного пользования землею, наделяются ею на общинном праве, т.е. получают землю в общественное пользование, в размерах, не превышающих тридцати-десятиной (считая одну удобную землю, т.е. пахотную, сенокосную и выгонную)

на каждый двор или целую семью»³¹. Но желающих ехать на побережье вначале было не много. В литературе сложилось мнение, что сложности биологической и хозяйственной адаптации русских и украинских крестьян ставили их в положение неудачников, беднейшего населения, к которому можно обращаться с предложениями по найму. В связи с неудачами в освоении территории побережья приток русского и украинского населения в край резко сократился, в то время как приток армянского и греческого населения, вдохновленного успехами своих соплеменников, усилился³².

Правительство было обеспокоено сложившейся демографической ситуацией в Черноморском округе. Профессор Краснов, выступая против заселения края иностранцами, отмечал, что наблюдаемые им поселки русских поселенцев оказались «совсем не так плохи, как можно было бы ожидать ввиду поселения их в совершенно чуждой им стране при всей массе неблагоприятных условий. Некоторые оказались устроившимися даже заметно лучше окрестных поселков из иноплеменных элементов, что может служить доказательством успеха чисто русской колонизации. Вместо того, чтобы составлять этнические коллекции из инородцев своего и соседних государств, во всех отношениях правильнее позаботиться о возможно лучшем устройстве русских поселенцев»³³. В 1882 г. численность русского населения в Черноморском округе составляла 3439 человек³⁴. С началом строительства Новороссийско-Сухумского шоссе в 1891 – 1892 гг. усилилась миграция населения из охваченной голодом Воронежской, Орловской, Курской, Владимирской, Харьковской, Полтавской, Бессарабской и других губерний России. В основном переселенцы были русскими (83,3 %), а в социальном отношении крестьянами (91,7 %)³⁵.

На рубеже 70-х – 80-х гг. начинается своеобразная атака на экономические права иногородних со стороны центральных и местных властей. Поскольку основным методом давления на них являлась посаженная плата, власти сурово наказывали иногородних за отказ по той или иной причине платить ее за землю вплоть до выселения должников из пределов Кубанской области и продажи их имущества³⁶. Применялись жесткие меры не только непосредственно к «неплательщикам», но и к тем лицам, которых подозревали «в подстрекательстве иногородних к неуплате посаженной платы». Так, писарь станицы Тихорецкой Алексей Ляпин и крестьянин Иван Гонтовой, проживавший в хуторе Бузиновском, были обвинены «в подстрекательстве» и наказаны³⁷.

Были приняты решения о запрещении возведения иногородними новых построек без согласия властей, производства их перестроек или ремонта, вплоть до разрушения возведенных ими без разрешения усадебных построек³⁸. В 1884 г. были удалены властями иногородние лица, самовольно поселившиеся на участках, принадлежавших Иноземцевым³⁹.

Несмотря на меры, затруднявшие переселение лиц невойскового сословия, с 1881 по 1890 гг. в Кубанскую область мигрировало 284 300 человек⁴⁰, а в Черноморский округ, который в 1888 г. передали в подчинение начальника Кубанской области, переселилось 5 600 человек⁴¹.

Время от времени местные власти проводили настоящие облавы, целью которых было выявление лиц, проживавших без соответствующих документов⁴². Так, по

свидетельству атамана Темрюкского отдела в ходе облас с 1 июля 1888 г. по 1 января 1893 г. на родину было отправлено 1010 человек иногородних⁴³. В своем рапорте атаман сетовал на трудности с выявлением беспаспортных, так как само население нередко укрывало их от властей, «извлекая из их нелегального положения несомненную для себя выгоду». Ведь беспаспортным можно было или совсем не заплатить за труд, или рассчитывать по своему усмотрению. «Жаловаться переселенец не будет из опасения обнаружить свое положение»⁴⁴, – отмечал атаман.

Внутренние переселения в пределах Северо-Западного Кавказа согласно данным переписи 1897 г. были небольшими. Царская администрация ограничивала внутренние перемещения населения, прежде всего адыгов. Они находились под строгим надзором местной администрации. Даже для поездки на базар в соседский аул или станицу горец-крестьянин должен был получить специальное разрешение начальника участка. Причем, в таком особом билете-разрешении обязательно указывался внешний вид, возраст и особые приметы, оговаривалось время пребывания. По возвращении нужно было обязательно доложить, иначе предусматривалось наказание. Для адыгских аулов была установлена система круговой поруки⁴⁵. Следует указать, что врачи и статистики конца XIX в. отмечали, что «инородцы» во многих местах вымирили под влиянием условий жизни, созданных российской администрацией⁴⁶.

В среде горского населения также имелись иногородние. Это были в основном жители горных селений, переселенные в плоскостные селения с общинным землепользованием. Так, в Бжегокаевском сельском обществе в 1897 г. к категории «коренного населения» относились 783 мужчины и 744 женщины, а иногородних насчитывалось 105 мужчин и 100 женщин⁴⁷. В конце XIX в. в Кубанской области горцев-иногородних насчитывалось 28 394 человека (30 % горского населения)⁴⁸.

С конца 80-х гг. XIX в. казацки власти, обеспокоенные большим наплывом иногородних, резко сокращают их приток. Ухудшение их положения выразилось в дальнейших ограничениях пользования землей. Размер посаженной платы в Кубанской области с 1870 г. по 1889 г. вырос с двух до пяти копеек за квадратную сажень и составлял 120 рублей за десятину⁴⁹, а с 1898 г. – 10 копеек (240 рублей в пересчете на десятину)⁵⁰. Такая плата была намного выше не только арендных, но и покупных цен на землю.

Это привело к образованию массы крестьянского населения, не имеющего оседлости. По данным переписи 1897 г., из 146 281 семьи иногородних Кубани 57 374 семьи, или 40 % не имели оседлости⁵¹.

В 1888 г. было издано распоряжение, установившее норму скота на бесплатную пастьбу для иногороднего хозяина: четыре головы крупного и шесть мелкого⁵², отменив норму, установленную законом 10 мая 1862 г.: 15 голов крупного и 30 мелкого. За выпас сверх нормы полагалась особая плата. Казаки же имели право пасти на общественном выгоде неограниченное количество скота.

Из циркуляра начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Маламы от 12 декабря 1896 г. об открытии школ для детей иногородних следует, что в связи с недостаточным количеством народных школ в станицах обучение детей лиц невойскового сословия крайне

затруднительно и иногородние «в деле обучения детей ... должны надеяться только на самих себя»⁵³.

О проблемах заселения края и адаптации славянского населения края чиновник особых поручений Министерства государственных имуществ М.А. Краевский писал: «в округе отсутствуют школы, сельское положение не введено и в любой греческой или армянской деревне после 25 лет жизни на русской территории не слышно русской речи, и это в округе, составляющем нашу окраину, где не только желательно иметь прочное, чисто русское население, но даже совершенно необходимо на случай каких-либо политических осложнений. Для полноты картины существующих поселений надлежит еще присовокупить, что большинство селений не имеет подъездных путей и, что число поселений по сравнению с территорией округа до того незначительно, что они представляются ничтожными оазисами, разбросанными среди моря зарослей и колочки, и потому обитатели постоянно страдают от лихорадки, а хозяйство их от диких зверей, которые нападают на посевы и домашний скот»⁵⁴.

Иногородние не имели права пользоваться станичными медицинскими пунктами. Так, из отзыва комиссара Уманской больницы в Новооскольское уездное полицейское управление от 16 декабря 1882 г. известно, что крестьянин из Курской губернии Новооскольского уезда Яков Алехин, вынужденный проходить курс лечения в Уманской больнице, оказался «несостоятельным к уплате войску Кубанскому денег за содержание и пользование» в сумме 23 рубля 45 копеек. Поэтому полицейское управление должно взыскать с имущества названного крестьянина указанную сумму денег, а в случае отсутствия такового, то с общества села Волотова, где проживал упомянутый крестьянин⁵⁵.

Не взирая на многочисленные препятствия со стороны властей, с 1891 г. по 1900 г. в Кубанскую область переселилось 112 200 человек⁵⁶. Это было примерно в два с половиной раза меньше, чем в 80-е гг. XIX в.

Однако в быстрейшем заселении Черноморского побережья российское правительство в 90-е гг. XIX в. было крайне заинтересовано. В Положении от 31 марта 1897 г. «О переселении в Черноморскую губернию»⁵⁷ подчеркивалось, что свободные казенные земли губернии предназначаются главным образом для водворения иногородних русских крестьян, занимающихся земледелием (желательно виноградарством и садоводством) и имеющим достаточное число рабочих рук в семье и необходимыми для первоначального обустройства на новом месте денежные средства в количестве 300 рублей на семью⁵⁸. Кроме этого, переселенцы должны были быть русского происхождения и православного вероисповедания и иметь опыт ведения земледельческого хозяйства. Иначе разрешение на переселение не выдавалось⁵⁹. Окончательное право на переселение утверждалось главноначальствующим гражданской частью на Кавказе.

Особенностью демографической политики нового закона 1897 г. было его «чисто русское» направление, прекращавшее всякий доступ каким бы то ни было иноземным и неправославным элементам в «Русскую Ривьеру». Г.Г. Тхагапсова, полагая, что превалирование русской этнической группы в Закубанье и на побережье неспособно было воплощать в жизнь задачу освоения новых земель, считает, что этот закон

способствовал консолидации населения, раскрывал замкнутые декосистемы этнических групп и имел несомненные преимущества по сравнению с законом 1866 г.⁶⁰

С 1891 по 1900 гг. в Черноморскую губернию переселилось 34 500 человек⁶¹, что примерно в три раза больше, чем за предыдущее десятилетие. По данным переписи 1897 г. пришлое население губернского г. Новороссийска составило 83,3 %⁶².

Экономическое развитие Северо-Западного Кавказа в последней трети XIX в. было весьма активным. Валовой сбор хлебов к концу XIX в. в масштабах всего Северного Кавказа достиг 156 млн. пудов, из которых 75 % давала Кубанская область⁶³. Если в 1886 – 1888 гг. из области в среднем вывозилось в год 27,2 млн. пудов зерна, то в 1892 – 1894 гг. средний годовой вывоз его уже составил 56,4 млн. пудов, то есть увеличился более чем в два раза⁶⁴. В целом средний урожай озимой пшеницы за десятилетие (1893 – 1902 гг.) составил в Кубанской области 48,6 пудов с десятины⁶⁵.

Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что земледелие в Кубанской области к концу XIX в. добилось значительных успехов, причем особенно возросло производство хлеба на продажу. И в первую очередь этого удалось достичь благодаря возросшему притоку в регион огромной армии крестьян-переселенцев, которые способствовали превращению области в житницу Российской империи. Крестьяне-переселенцы играли решающую роль в подъеме производственных сил на Северо-Западном Кавказе, в интенсификации процессов социально-экономического, этнического и культурного развития края. Массовые крестьянские миграции на Северо-Западный Кавказ стимулировали и разложение казачьей общины, преодоление сословной замкнутости казачества, глубокие изменения во всем его общественном укладе, быте, культуре. Правительственная политика по отношению к иногородним в 60 – 90-е гг. XIX в. была противоречива и непоследовательна. С начала 60-х до конца 70-х гг. XIX в. законы способствовали переселению «пришлого люда». Однако с начала 80-х гг. принимаются законы и административные меры, затруднявшие приток иногородних⁶⁶. Игнорирование земельного обеспечения иногородних, ущемления их имущественных прав ограничивало возможности переселения из внутренних районов России бедноты, содействовало расслоению крестьянства и обострению социальных противоречий в станицах.

Следует подчеркнуть, что не взирая на сложный процесс «притирания» казачьего и иногороднего населения, совместное проживание на территории Северо-Западного Кавказа породило между ними связи хозяйственного, военного, культурного и родственного характера. А развитие торговли между адыгами и крестьянами-переселенцами способствовало усилению межэтнических контактов и взаимодействий.

Крестьянские миграции на Северо-Западный Кавказ способствовали росту городов, население которых все больше вовлекалось в торгово-промышленную деятельность и теряло сословный облик, втягиваясь в сферу буржуазных отношений. Несмотря на сословные ограничения, ограничения права передвижения, задерживавшие переселение крестьянства в город, крестьяне и мещане составляли подавляющую часть

горожан. Крестьянин, становясь городским жителем, по существу терял свою сословную принадлежность. Он становился промышленным рабочим (или служащим, или предпринимателем и т.п.). Появление промышленности в ее начальных формах вело к отрыву населения городов от земледелия и стягиванию ее вокруг центров кустарного и мануфактурного производства. Чем дальше шло развитие индустрии, тем больше росли подвижность и концентрация населения в местах фабрично-заводской и торговой деятельности. В 1897 г. в области насчитывалось 7 792 заводов и промышленных заведений⁶⁷.

Функционирование Ростово-Владикавказской железнодорожной магистрали, устройство шоссейных и грунтовых дорог стимулировали развитие крестьянской миграции на Северо-Западный Кавказ, способствовали хозяйственному освоению региона.

Природно-географические условия – качество почвы, расположение и частота рек, особенности рельефа и климата – все это, определяя основные отрасли крестьянского хозяйства, влияло на размещение населения, делая размеры поселений оптимальными для развития приоритетных отраслей. Основой современного сельского хозяйства, несмотря на все достижения – агрономические, агротехнические, открытия в области биологии и химии, по-прежнему остается естественное плодородие почвы. В основе же любой современной формы расселения сохраняется каркас, который складывался в начале колонизации региона⁶⁸.

Примечания:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 774. Оп. 1. Д. 307. Л. 8.; Д. 308. Лл. 1-5.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 2-е – Т. 43. – Ст. 45 785.
3. ПСЗРИ: Собр. 2-е. – Т. 44. – Ст. 48 353.
4. Дроздов И.И. Последняя война с горцами на Западном Кавказе. // Кавказский сборник. – Тифлис, 1877. – Т. 2. – С. 456 – 457.
5. Духовский С. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году. // Военный сборник. – 1864. – № 12. – С. 356.
6. Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии (с VI тысячелетия до н.э. по XIX в.). – Майкоп, 1997. – С. 155.
7. Переселения из Полтавской губернии с 1861 г. по 1 июля 1900 г. – Полтава, 1900. – Вып. 1. – С. 363.
8. Верещагин А.В. Значение путей сообщения в деле колонизации и развития Черноморского побережья Кавказа. // Труды императорского Вольного экономического общества. – СПб., 1878. – Т. 2. – С. 138. – 351; он же Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результат. – М., 1885; Южаков С.Н. Переселенческий вопрос. // Северный вестник. – 1886. – № 6; Ямзин И.Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. – Киев, 1912 и др.
9. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905. – С. 21.
10. Там же. – С. 6.
11. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). – Пятигорск, 2002. – С. 187.
12. Покшишевский В.В. К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов на

- Северном Кавказе: Историко-географический очерк. // Известия Всесоюзного географического общества. – Л., 1948. – Вып. 4. – Т. 80; Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России: К проблеме развития капитализма вширь. // История СССР. – 1959. – № 6; Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. – Нальчик, 1962; Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. – Майкоп, 1986; Ратушняк В.Н. Некоторые вопросы капиталистического заселения Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь, 1981. – С. 3 – 18; он же. Массовое заселение Кубани и изменение состава ее населения в 60-е – 90-е гг. XIX в. // Вопросы истории Кубани XIX – начала XX вв. – Краснодар, 2001; Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. – Краснодар, 2003.
13. Воробьев Н.В. Региональная организация миграции населения в сибирских условиях. – Новосибирск, 2001. – С. 10.
  14. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. – М., 1975. – С. 20.
  15. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптации переселенцев в России. – М., 2002. – С. 31.
  16. Пилкингтон Х., Физакли А. Постсоветские миграции в контексте западных миграционных теорий. // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. – М., 1999. – С. 180 – 214.
  17. Яцунский В.К. Изменения в размещении населения в Европейской России в 1724 – 1916 гг. // История СССР. – 1957. – № 1. – С. 210 – 213.
  18. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – М., 1958. – Т. 2. – С. 189.
  19. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1282. Лл. 119, 119 об.
  20. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Ростов-на-Дону, 1990. – С. 46.
  21. Якименко Н.А. Переселение крестьян Украины на Северный Кавказ во второй половине XIX в. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1989. – № 1. – С. 94.
  22. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2063. Л. 32.
  23. ПСЗРИ: Собр. 2-е. – Т. 44. – Ст. 48 353.
  24. Котов С.Н. Особенности духовной культуры иногороднего крестьянства Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2001 год. Дикаревские чтения (8). – Краснодар, 2002. – С. 88.
  25. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб., 1996. – С. 95.
  26. Мельников Л. М. Иногородние в Кубанской области. Исторический очерк. // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1900. – Т. 6. – С. 77.
  27. Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. – Репринтное издание. – Краснодар, 1992. – С. 257.
  28. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2659. Лл. 90-93; Ф. 454. Оп. 2. Д. 276. Лл. 1, 1 об.
  29. Кабузан В.М. – Указ. соч. – С. 96.
  30. Курская губерния. Итоги статистического исследования. – Курск, 1887. – С. 27.
  31. Козлов Л.Е. Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии. // Записки кавказского отдела императорского русского географического общества. – Тифлис, 1906. – Вып. 7. – Т. 25. – С. 5.
  32. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. – Указ. соч. – С.50.
  33. Цит. по: Тхагапсова Г.Г. Демографическая политика России на Западном Кавказе (конец XIX в.) и ее этноэкологические последствия. // Информационно-аналитический вестник отдела истории АРИГИ. – Майкоп, 2001. – Вып. 4. – С. 126.
  34. Верещагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и его результаты. – М., 1885. – С. 5.
  35. Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. – Указ. соч. – С.51.
  36. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 758. Лл. 1, 1 об.
  37. ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 179. Лл. 144, 144 об.; Д. 228. Лл. 40, 40 об.
  38. ПСЗРИ: Собр. 3-е. – Т. 8. – Ст. 5638.
  39. ГАКК. Ф. 574. Оп. Д. 2503. Лл. 37, 37 об.
  40. Кабузан В.М. – Указ. соч. – С. 192.
  41. Там же. – С. 193.
  42. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2847. Лл. 1, 1 об.; Д. 2850. Лл. 1, 1 об.
  43. Кубанские областные ведомости. – 1887. – 25 июля.
  44. Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861 – 1905 гг.: Историческое исследование. // Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России. – Ставрополь, 1970. – С. 37.
  45. Керашев М. Оккупация Черкесии. Черкесы в резервации (1864 – 1917 гг.). // Гибель Черкесии. / Под общ. ред. М.А. Керашева. – Краснодар, 1994. – С. 80.
  46. Берлин П. Пасынки цивилизации. – СПб., 1910 – С. 91.
  47. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. 21. Оп. 1. Д. 214. Л. 57.
  48. См.: Отчет начальника Кубанской области за 1895 г. – Екатеринодар, 1896. – С. 12.
  49. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2108. Л. 84 об.
  50. Громов В.П., Ортабаев Б.Х., Растушняк В.Н., Тройно Ф.П. Социально-демографические изменения в крестьянском населении Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1989. – № 2. – С. 62.
  51. Македонов Л.В. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров переписи 1897 г. – Екатеринодар, 1906. – С. 549, 558.
  52. Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Статистический очерк. // Кубанская область. – Екатеринодар, 1906. – Вып. 1. – С. 42.
  53. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3701. Л. 1.
  54. Краевский М.А. К вопросу о колонизации Черноморской губернии. – СПб., 1897. – С. 15.
  55. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 2680. Лл. 52, 52 об.
  56. Кабузан В.М. – Указ. соч. – С. 192.
  57. 23 мая 1896 г. был принят закон об образовании Черноморской губернии с центром в Новороссийске.

58. Сборник узаконений и распоряжений о переселении. – СПб., 1901. – Вып. 8. – С. 226.
59. Там же. – С. 234, 235.
60. Тхагапсова Г.Г. – Указ. соч. – С. 129.
61. Кабузан В.М. – Указ. соч. – С. 193.
62. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1900 – 1903. – Вып. 70.
63. Билимович А.Д. Товарное движение на русских железных дорогах. – Киев, 1902. – Таблица 12.
64. Собриевский А.С. Екатеринодарский хлебный рынок и вывоз хлеба из Кубанской области, в связи с движением грузов, колебанием цен и поступлением сборов торговых и акцизных. // Кубанских сборник. – Екатеринодар, 1899. – Т. 5. – С. 6 – 7.
65. Шацкий П.А. К истории сельскохозяйственного освоения территории Предкавказья в пореформенный период. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. – Вильнюс, 1964. – С. 611.
66. 11 апреля 1872 г. термин «иногородние» российским правительством согласно специальному постановлению был заменен более регламентированным канцелярским термином «лица невойскового сословия», хотя в быту и в разговорном языке эта громоздкая конструкция не применялась.
67. Орлов М.В. Любопытные параллели. Кубанская область в отношениях экономическом, торговом, промышленном, учебном и т.д. теперь и 25 лет тому назад. // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1990. – Т. 6. – С. 260 – 261.
68. Макаренко М.Ю. Кубань в конце XVIII – начале XX века: особенности пространственной организации населения. // Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции «Научно-творческое наследие Ф.А. Щербины и современность». Г. Краснодар, 25 – 26 февраля 2004 г. – Краснодар, 2004. – С. 348.